

Глава X.

Я распредѣляю порціи.

Теперь я уже почти ни о чемъ не беспокоился и былъ даже веселъ, какъ въ тѣ времена, когда мнѣ удалась какая-нибудь отчаянно смѣлая штука. Хотя перспектива провести въ одиночномъ заключеніи, въ трюмѣ корабля, цѣлые шесть мѣсяцевъ сама по себѣ и не представляла ничего пріятнаго, и при другихъ обстоятельствахъ я, можетъ-быть, и очень сталъ бы объ этомъ сокрушаться, но послѣ всего того, что пришлось мнѣ вынести за послѣдніе нѣсколько дней, когда самая жизнь моя висѣла на волоскѣ, одиночное заключеніе не казалось мнѣ уже чѣмъ-то необыкновеннымъ, и я рѣшилъ переносить его спокойно и терпѣливо.

Переѣздъ долженъ былъ продолжаться по меньшей мѣрѣ шесть мѣсяцевъ, какъ говорили мнѣ матросы, а не вѣрить имъ не было ни малѣйшаго основанія. Шесть мѣсяцевъ—срокъ довольно продолжительный даже для преступника, приговореннаго къ одиночному заключенію. Но преступники все это время проводятъ въ свѣтлой комнатѣ, гдѣ стоитъ хорошая постель; они имѣютъ хорошій столъ и даже видятъ нѣсколько разъ въ день людей, съ которыми при случаѣ могутъ и говорить. Насколько же ужаснѣе этого была моя тюрьма!

Замурованный въ кельѣ такой маленькой, что я не могъ въ ней даже вытянуться во весь ростъ, имѣя вмѣсто постели голыя доски, вѣчно въ потемкахъ, я долженъ былъ еще дышать спертымъ вонючимъ воздухомъ, продуктомъ разложенія скопившейся въ трюмѣ воды, и питаясь при этомъ одними сухарями и водой, да и то въ ограниченномъ количествѣ, чтобы раньше времени не истратить запасовъ; всѣ мои развлеченія сводились къ тому, что я съ замираніемъ сердца прислушивался, какъ трещалъ кузовъ корабля подъ ударами волнъ, ревъ которыхъ отчетливо доносился и ко мнѣ. И вотъ этой-то жизнью я долженъ былъ жить цѣлые шесть мѣсяцевъ.

Но, какъ я вамъ уже говорилъ, это меня очень мало беспокоило. Я былъ слишкомъ счастливъ, что благополучно избѣжалъ смерти, и потому почти вовсе не думалъ о настоящемъ моемъ положеніи, какъ бы плохо оно ни было; но, само собою разумѣется, такъ не могло долго продолжаться. А пока что—я искренно радовался своему спасенію и съ вѣрою и надеждою смотрѣлъ въ глаза будущему. Но обычная осторожность взяла верхъ надъ наружною безпечностью, и я прежде всего рѣшилъ привести въ извѣстность количество запасовъ, которыми я могъ располагать въ теченіе всего времени путешествія. Не сдѣлай я этого и расходуй безъ счета сухари и воду, могло бы оказаться, что ни того ни другого не хватитъ для назначеннаго срока.

Сначала я, правда, думалъ, что и за годъ не выпью всей воды изъ боченка и не съѣмъ сухарей,—такъ великъ казался мнѣ запасъ провизіи въ первую минуту. Но потомъ, поразмысливъ хоро-

шенько, я пришелъ къ заключенію, что можетъ оказаться какъ разъ напротивъ,—и я снова какъ будто начиналъ уже бояться за будущее. Капля долбитъ камень, но въ то же время по каплѣ можетъ вытечь и цѣлая бочка воды. А вода изъ моего боченка хоть каплями, но все-таки вытекала, потому что въ потемкахъ нельзя было, во-первыхъ, хорошо выстрогать затычку, а во-вторыхъ—и плотно пригнать ее въ отверстіе, продѣланное моимъ ножомъ. Значить, это только вопросъ времени, а шесть мѣсяцевъ—вѣдь это очень долго! около двухсотъ дней!.. Чѣмъ больше размышлялъ я объ этомъ, тѣмъ больше увеличивалось мое безпокойство. Поэтому необходимо какъ можно скорѣе разрѣшить интересовавшій меня вопросъ—узнать, насколько основательно мое безпокойство, и придумать, какъ быть дальше. Если окажется, что провизіи еще много, тѣмъ для меня лучше! На этомъ и кончатся всѣ мои безпокойства. Но если, напротивъ, окажется, что ея все не такъ много, то мнѣ придется принять единственную зависящую отъ меня предосторожность—питаться черезъ извѣстные промежутки времени и каждый разъ съѣдать заранѣе назначенную порцію.

Вспоминая теперь прошедшее, я невольно удивляюсь той предусмотрительности и энергіи, какія я проявлялъ въ такомъ раннемъ возрастѣ. Предусмотрительность и энергія могутъ впоследствии развитъ въ ребенкѣ инстинктъ самосохраненія и поэтому заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Затѣмъ, не раздумывая долго, я принялся за дѣло и прежде всего занялся вычисленіями. Я рѣшилъ сдѣлать расчетъ на шестимѣсячный періодъ времени или, вѣрнѣе, на сто восемьдесятъ три дня, не считая даже времени (около недѣли), протекшаго съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли изъ гавани. Навѣрное, въ шесть мѣсяцевъ корабль успѣетъ благополучно добраться до мѣста назначенія и сдать грузъ. Но могъ ли я быть въ этомъ вполне увѣренъ? Сказать правду, я далеко въ этомъ не былъ увѣренъ. У себя дома я не разъ слышалъ отъ матросовъ, что на путешествіе въ Перу необходимо шесть мѣсяцевъ; но что надо было понимать подъ словами «шесть мѣсяцевъ»—кратчайшій или самый долгій срокъ, или же, наконецъ, на путешествіе въ Перу нужно въ среднемъ шесть мѣсяцевъ и при неблагоприятныхъ условіяхъ оно можетъ продолжаться и гораздо дольше?

Собственно говоря, непременно слѣдовало принять въ вниманіе возможность во время такого длиннаго переѣзда измѣненія погоды,—штиль подъ тропиками и страшные ураганы, встрѣчающіе путешественниковъ у мыса Горна, который недаромъ пользуется такой дурной репутаціей у моряковъ. Кромѣ того, на пути могли встрѣтиться и другія совершенно неожиданныя препятствія, благодаря которымъ путешествіе, вмѣсто шести мѣсяцевъ, могло продолжиться гораздо дольше.

Вотъ подъ влияніемъ-то всѣхъ этихъ страховъ я и принялся за изслѣдованіе моихъ запасовъ. Но, сказать вамъ правду, это вовсе не трудно было сдѣлать,—стоило только пересчитать суха-

ри. Для поддержанія жизни мнѣ достаточно будетъ съѣдать по два сухаря, хотя, конечно, при такой діетѣ не очень-то будешь чувствовать себя сытымъ. Но въ крайнемъ случаѣ можно было бы ограничиться и однимъ сухаремъ въ день, а то даже и меньше. А такъ какъ я рѣшился бороться до послѣдней минуты, то заранѣе согласенъ былъ на всѣ жертвы и твердо рѣшилъ соблюдать возможную экономію.

Очень скоро сухари были всѣ сосчитаны. Но я могъ бы узнать число сухарей и не считая. Ящикъ, въ которомъ они лежали, имѣлъ три фута въ длину, два въ ширину и одинъ футъ высоты; а такъ какъ каждый сухарь равнялся въ среднемъ шести дюймамъ въ діаметрѣ и тремъ четвертямъ дюйма въ толщину, то въ ящикѣ ихъ должно было находиться ровно тридцать двѣ дюжины. Но для меня не было ни малѣйшаго труда считать сухари, я даже находилъ въ этомъ своего рода удовольствіе. Я вытащилъ одинъ за другимъ всѣ сухари изъ ящика и, провѣривъ, насчиталъ какъ разъ тридцать двѣ дюжины безъ восьми штукъ, недостатокъ которыхъ объяснялся очень просто,—я ихъ съѣлъ. Тридцать двѣ дюжины составляли триста восемьдесятъ четыре сухаря, а за вычетомъ восьми сухарей, которые я съѣлъ, всего оставалось триста семьдесятъ шесть штукъ сухарей. Если я буду съѣдать только по два сухаря въ день, мнѣ хватитъ ихъ на сто восемьдесятъ восемь дней, или немного больше чѣмъ на шесть мѣсяцевъ; но въ виду того, что путешествіе могло продолжиться и дольше, мнѣ казалось необходимымъ убавить и эту порцію, т. е. съѣдать менѣе двухъ сухарей ежедневно.

«Ну,—подумалъ я при этомъ,—а что, если за этимъ ящикомъ, который я только что опорожнилъ, окажется еще другой такой же? Тогда я буду обезпеченъ отъ голода и избавленъ отъ всякой тревоги за будущее».

Но возможно ли это было? Конечно, нѣтъ. Положимъ при нагрузкѣ кораблей заботятся только объ одномъ: помѣщать ящики, тюки или боченки такимъ образомъ, чтобы они были размѣщены какъ можно удобнѣе. Поэтому при нагрузкѣ всѣ эти тюки и ящики накладываются одинъ на другой безъ всякаго соображенія о томъ, что въ нихъ содержится, и часто случается, что самые разнообразные товары оказываются наваленными другъ на друга. Я это зналъ; но едва ли, однако, случится, чтобы два ящика сухарей очутились рядомъ.

Какъ бы мнѣ въ этомъ убѣдиться? Перелѣзть черезъ ящикъ, который я только что опорожнилъ, нельзя; нельзя также пробраться ни надъ нимъ ни подъ нимъ, потому что онъ совершенно загораживалъ проходъ, черезъ который я проникъ въ трюмъ.

— Ахъ,—воскликнулъ вдругъ я, пораженный новой мыслью,—я проберусь чрезъ него!

Это было довольно легко исполнить. Доска, которую я уже оторвалъ и которая составляла часть крышки, оставляла достаточное отверстіе, чтобы я могъ туда пролѣзть; ничего не могло быть легче, слѣдовательно, какъ пробраться въ середину и продѣ-

латъ въ одной изъ стѣнъ широкую выемку, которая дастъ мнѣ возможность узнать, что именно нагружено какъ разъ за этимъ ящикомъ; и я въ ту же минуту принялся за дѣло, расширилъ отверстіе въ крышкѣ, чтобы имѣть возможность работать свободнѣе, и сталъ проламывать дно моимъ ножомъ. Еловые доски были довольно мягки и легко поддавались ножу; но едва я началъ работу, какъ въ голову мнѣ пришла опять новая мысль. Я только что замѣтилъ, что доски въ днѣ были только прибиты гвоздями; нѣсколько ударовъ молоткомъ и даже простой колотушкой было бы достаточно, чтобы ихъ сорвать. Правда, у меня не было ни того ни другого, но я могъ, въ крайнемъ случаѣ, съ тѣмъ же успѣхомъ дѣйствовать и каблуками. Помѣстившись горизонтально и опираясь руками о флортимберсъ, я сталъ колотить стѣнку ящика ногами съ такою силою, что одна изъ досокъ отдѣлилась, но только частью, такъ какъ этому мѣшала какой-то другой предметъ, въ который упиралась стѣнка ящика. Повернувшись, чтобы узнать, что именно загораживало ящикъ, я нащупалъ доску, которая, несмотря на довольно сильные толчки, продолжала упираться во что-то твердое, не давая мнѣ возможности проникнуть дальше. Собравъ всю свою силу, я навалился на доску и, наконецъ, сначала оттолкнулъ ее въ сторону, а потомъ опустил книзу и, такимъ образомъ, сдѣлалъ настолько большое отверстіе, что свободно могъ просунуть въ него всю руку.

За ящикомъ съ сухарями, который я только что разбилъ, я нашелъ другой запакованный ящикъ, очень на него похожій, но пока оставалось еще неизвѣстнымъ, чѣмъ этотъ ящикъ наполненъ. Узнать же это было вовсе не трудно. Поработавъ руками, мнѣ удалось, наконецъ, сорвать всю заднюю стѣнку и горизонтально положить ее во внутренность сухарнаго ящика, такъ что она уже не могла мѣшать моимъ изслѣдованіямъ. Теперь меня отдѣляло отъ второго ящика пространство не болѣе какъ въ два дюйма. Вооружившись ножомъ, я въ нѣсколько минутъ пробилъ въ немъ отверстіе. Но — увы! — какое разочарованіе! Въ этомъ ящикѣ оказались шерстяныя матеріи и толстое сукно или одѣяла; все это было такъ плотно уложено, что ящикъ казался точно налитымъ сплошной твердой шерстяной массой. Сухарей, которыхъ я такъ искалъ, въ немъ не было. Поэтому необходимо было съ нынѣшняго же дня назначить себѣ ежедневную порцію, чтобы всю дорогу довольствоваться запасомъ провизіи, которая у меня имѣлась.

Какъ я вамъ уже говорилъ, я въ точности зналъ количество имѣющейся провизіи. Расходуя по два сухаря въ день, я могъ выдержать заключеніе больше чѣмъ въ теченіе шести мѣсяцевъ; но изъ боязни, какъ бы путешествіе не затянулось, я рѣшилъ урѣзывать порцію на полсухаря или даже на цѣлый сухарь каждый разъ, какъ только голодъ не будетъ давать себя знать особенно чувствительно. Если я буду пунктуально исполнять принятое рѣшеніе, то провіанта хватитъ мнѣ гораздо больше, чѣмъ на шесть мѣсяцевъ, т.-е. на все время путешествія, какъ бы долго оно ни затянулось.

Кромѣ того, мнѣ казалось тоже необходимымъ опредѣлить и количество воды, которое я могъ истреблять ежедневно. Сначала я считалъ послѣднюю задачу неразрѣшимой: у меня не только не было возможности опредѣлить точно количество оставшейся воды, но я не зналъ даже объема самаго боченка.

Это былъ старый боченокъ изъ-подъ вина или водки, на подобіе тѣхъ, въ которыхъ обыкновенно держать на корабляхъ запасъ воды для экипажа; но мнѣ не было извѣстно, какого рода жидкость онъ содержалъ въ себѣ прежде. Если бы еще я это зналъ, я могъ бы опредѣлить и объемъ его.

По запаху, испарявшемуся отъ моего боченка,—а вамъ извѣстно, что старый боченокъ всегда сохраняетъ въ себѣ букетъ заключавшейся въ немъ жидкости,—знатокъ, конечно, могъ бы сказать, что именно было въ немъ раньше; но я, при всей своей изобрѣтательности, не могъ сдѣлать этого.

Для того, чтобы опредѣлить емкость моего боченка, нужно было бы знать его длину, его окружность на той или другой изъ оконечностей и, наконецъ, окружность въ наиболѣе выдающейся его части, т.-е. посрединѣ. На основаніи этихъ данныхъ я могъ бы опредѣлить съ точностью до одного литра, сколько заключаетъ онъ въ себѣ кубическихъ дюймовъ воды. Число это, раздѣленное на 69, дастъ мнѣ затѣмъ число литровъ; но самое главное все-таки—узнать всѣ эти три измѣренія. Какъ тутъ быть? Измѣрить длину боченка нѣтъ ничего легче, но зато измѣрить окружность положительно невозможно, такъ какъ боченокъ обращенъ былъ ко мнѣ только одной стороной. Затѣмъ,—а это тоже необходимо для правильности вычисленій,—у меня не было ни линейки ни шнура.

Но, несмотря на это, я вовсе не думалъ отказаться отъ своего намѣренія и рѣшилъ сначала обсудить хорошенько все дѣло. Кромѣ того, это занятіе поможетъ мнѣ незамѣтно скоротать нѣсколько часовъ, что тоже очень много значило въ моемъ положеніи. Нашъ старый школьный учитель не разъ повторялъ намъ драгоценную истину, что настойчивость часто ведетъ къ успѣху, даже тогда, когда успѣхъ кажется невозможнымъ. Поэтому и я рѣшился не смотрѣть на мой проектъ какъ на неосуществимую мечту до тѣхъ поръ, пока я не приду къ этому послѣ самаго тщательнаго обсужденія всѣхъ деталей. Настойчивость моя была вознаграждена, и гораздо скорѣе, чѣмъ я думалъ: я таки придумалъ способъ опредѣлить емкость боченка и притомъ тѣмъ именно путемъ, какъ я вамъ сейчасъ только говорилъ, т.-е. опредѣливъ длину боченка и внутренніе діаметры. Оказалось, что для этого достаточно будетъ простой длинной палочки, которая должна была бы замѣнить и линейку и шнурокъ. Просунувъ эту палочку черезъ одно изъ отверстій въ стѣнкѣ и проведя ее до діаметрально противоположной стѣнки, я получу точную длину діаметра въ этомъ мѣстѣ; потомъ, умноживъ діаметръ на три, я приблизительно узналъ бы окружность.

По счастливой случайности, одно изъ продѣланныхъ мною отверстій находилось посреди наиболѣе вздутой части боченка.

Палочка, проведенная въ это отверстіе, должна была дать наибольшій діаметръ. Вы, можетъ-быть, думаете, что я могъ бы достигнуть того же результата, поставивъ палочку вертикально около боченка и сдѣлавъ на немъ зарубку на высотѣ верхушки палочки? Конечно, я могъ бы это сдѣлать, если бы боченокъ лежалъ горизонтально и если бы въ моей тюрьмѣ было настолько свѣтло, чтобы я могъ, по крайней мѣрѣ, хоть видѣть боченокъ; но такъ какъ основаніе боченка было скрыто корабельными бревнами, то поэтому я и не могъ поставить свою палочку на одномъ уровнѣ съ этимъ основаніемъ.

Вотъ почему мнѣ казалось, что лучший способъ заключается во внутреннемъ измѣреніи діаметровъ, и я не сталъ ломать себѣ голову на придумываніе другого способа.

Но гдѣ же могъ найти я палочку?—спросите вы меня. А развѣ не могла пригодиться для этого оторванная мною отъ сухарнаго ящика еловая доска? Мысль эта пришла



Мнѣ удалось, наконецъ, сорвать всю заднюю стѣнку ящика.

мнѣ въ первую минуту, и я немедленно принялся за дѣло. Правда, доска эта въ длину была не больше двухъ футовъ, тогда какъ діаметръ, который я хотѣлъ измѣрить, равнялся, по крайней мѣрѣ, четыремъ или пяти; но съ нѣкоторой изобрѣтательностью можно было преодолѣть и это препятствіе. Слѣдовало только сдѣлать изъ доски не одну, а три палочки и затѣмъ связать ихъ концами. Такъ

именно я и хотѣлъ поступить. Я раскололъ доску въ длину по направленію жилокъ; потомъ, получивъ три небольшихъ палочки желанной толщины, принялся сглаживать ихъ и закруглять, а концы заострилъ. Мнѣ оставалось только достать два обрывочка веревки, что было для меня уже легче всего. На мнѣ были надѣты коротенькіе полусапожки, зашнурованные по щиколотку двумя тоненькими ремешками длиною въ одинъ метръ; это было какъ разъ то, что нужно. Расшнуровавъ ботинки, я связалъ палочки ремешками концы съ концами и такимъ образомъ сдѣлалъ палочку не меньше какъ въ пять футовъ, т.-е. какъ разъ такой длины, какую мнѣ было нужно, чтобы измѣрить боченокъ, и притомъ еще палочка была настолько тонка, что могла свободно пройти въ отверстіе, которое я, впрочемъ, слегка увеличилъ.

«До сихъ поръ дѣло идетъ хорошо», подумалъ я, и поднялся, чтобы удобнѣе было пропустить палочку въ отверстіе; но представьте себѣ мое разочарованіе, когда оказалось, что я не могу совершить этой операціи, казавшейся мнѣ такой легкой. Не то, чтобы дырочка была слишкомъ мала или моя палочка слишкомъ длинна, но у меня не было достаточно мѣста, чтобы ею дѣйствовать. Хотя моя келья была почти шести футовъ въ длину, но въ ширину она имѣла не болѣе двухъ. Поэтому невозможно было ввести мою палочку, не сгибая ее до того, что она чуть не ломалась, потому что сухая ель не гнется, а ломается какъ спичка.

Мнѣ было очень досадно, что я не подумалъ объ этомъ раньше, и въ первую минуту мнѣ даже показалось, что, къ величайшему моему сожалѣнію, придется отказаться отъ моей выдумки; но, пораздумавъ, я снова пришелъ къ заключенію, что никогда не слѣдуетъ спѣшить дѣлать заключенія. И черезъ нѣсколько минутъ я уже нашелъ средство ввести мою мѣрку, не сгибая ее и, слѣдовательно, не подвергаясь опасности сломать ее. Для этого достаточно было разобрать ее на части, вставить въ боченокъ первый кусокъ, къ нему привязать второй, потомъ, просунувъ ихъ оба вмѣстѣ, прикрѣпить такимъ образомъ ко второму и третій кусокъ. Въ пять минутъ это было сдѣлано; схвативъ тогда мою палочку за выдающуюся часть, я направилъ ее къ точкѣ въ стѣнкѣ діаметрально противоположной отверстію; потомъ, крѣпко придерживая ее, я сдѣлалъ на ней надрѣзъ, какъ разъ на вышнемъ уровнѣ бочечной доски; вычтя толщину послѣдней, я получилъ искомую величину. Когда это было сдѣлано, я вытащилъ мѣрку штука за штукой, такъ же, какъ и вводилъ ее въ отверстіе. При этомъ я самымъ тщательнѣйшимъ образомъ отмѣтилъ зарубками мѣста скрѣплений, чтобы имѣть возможность узнать точный діаметръ внутренности боченка: послѣдняя предосторожность имѣла очень важное значеніе, такъ какъ и вамъ самимъ извѣстно, что ошибка въ одной только четверти дюйма въ длинѣ діаметра даетъ довольно чувствительную разницу въ нѣсколько десятковъ галоновъ.

Теперь, когда я уже узналъ диаметр конуса при его основании, мнѣ оставалось только найти диаметр вершины. Это было дѣломъ всего одной секунды.

На концахъ боченка у меня не было достаточно мѣста для того, чтобы просунуть руку, но я могъ пропустить туда мою палочку. И я такъ и поступилъ: я приложилъ конецъ палочки какъ разъ посрединѣ противоположной обшивки и, какъ и прежде, сдѣлалъ зарубку. Если бы я не могъ просунуть туда палочки, мнѣ пришлось бы просверлить дырочку около оконечности боченка и дѣйствовать такъ же, какъ я поступалъ раньше, когда хотѣлъ узнать болѣе большой диаметръ.

Затѣмъ оставалось еще опредѣлить длину бочки. Какъ бы просто это ни казалось, мнѣ стоило большого труда опредѣлить ее съ точностью. Вы думаете, что мнѣ только слѣдовало держать палочку параллельно боченку и подѣлать на ней зарубки у краевъ боченка? Это, безъ сомнѣнія, очень просто, но опять-таки когда свѣтло, а въ той глубокой темнотѣ, въ которой я находился, мнѣ приходилось довольствоваться однимъ только осязаніемъ. Но мнѣ мѣшала не одна темнота: я не могъ разставить руки во всю длину боченка и долженъ былъ ощупью приложить палочку къ одному краю и постепенно прикидывать ее къ стѣнкамъ боченка до слѣдующаго края,—а это не сулило особенной точности. Затѣмъ, несмотря на всѣ мои усилія, мнѣ не удавалось удерживать мѣрку неподвижной. Наконецъ я пришелъ къ заключенію, что этимъ способомъ не могу добиться желаемого результата,—а это ставило меня въ серьезное затрудненіе. Для меня это было тѣмъ печальнѣе, что если сначала я и становился втупикъ передъ разрѣшеніемъ задачи измѣрить внутренній диаметръ, то опредѣленіе длины боченка мнѣ казалось дѣломъ въ сущности самымъ пустымъ и легкимъ, и я надъ нимъ какъ-то даже и не задумывался вовсе.

Но и тутъ меня не покинула моя изобрѣтательность, и я придумалъ способъ, дававшій надежду добиться желаемого результата. Для этого стоило только сдѣлать другую палочку и потомъ соединить ихъ обѣ подъ прямымъ угломъ.

Тогда я приложилъ первую палочку горизонтально къ оконечности боченка, край котораго она превышала приблизительно на цѣлый футъ съ обѣихъ сторонъ. Затѣмъ я поставилъ вторую свою палочку тоже въ горизонтальномъ направленіи, прислонивъ конецъ къ выдающейся части такимъ образомъ, чтобы образовать вмѣстѣ съ ней прямой уголъ. Затѣмъ я сдѣлалъ зарубку въ томъ мѣстѣ, гдѣ палочка соприкасалась съ наиболѣе выдавшейся точкой боченка, т.-е. съ серединой его; потомъ, вычтя изъ этой мѣры высоту рубца и глубину дна, я получилъ половину внутренней длины боченка, чего мнѣ было вполне достаточно, такъ какъ двѣ половины составляютъ цѣлое.

Теперь всѣ данныя для разрѣшенія задачи мнѣ были извѣстны; оставалось только заняться вычисленіями.

ГЛАВА XI.

Quod erat faciendum.

Для меня не составляло особеннаго труда опредѣлить емкость боченка въ кубическихъ футахъ и затѣмъ перевести послѣдніе на галлоны. Я настолько-то зналъ ариеметику и могъ сдѣлать вычисленія, хотя у меня не было ни бумаги, ни пера, ни доски, ни карандаша. Впрочемъ, если бы даже у меня и было все это, то въ потемкахъ я все равно не могъ бы ими воспользоваться; но, по счастью, мнѣ не было въ нихъ никакой надобности. Я всегда очень любилъ рѣшать задачи въ умѣ и отлично умѣлъ складывать, вычитать, умножать и дѣлить даже многозначныя числа, не прибѣгая къ помощи пера или карандаша. А такъ какъ мнѣ предстояло рѣшить задачу съ сравнительно небольшими числами, то я заранѣе былъ увѣренъ, что скоро и легко получу желаемый результатъ.

Но, прежде чѣмъ рѣшать задачу, мнѣ нужно было справиться еще съ однимъ затрудненіемъ. Я тщательно измѣрилъ длину оба діаметра моего боченка съ помощью палочекъ и отмѣтилъ на нихъ зарубками найденные размѣры; но этого было недостаточно,—нужно было еще опредѣлить эту длину въ футахъ или дюймахъ, потому что нельзя же дѣлать вычисленія надъ неизвѣстными величинами. Положимъ, я могъ бы это сдѣлать, но только приблизительно, а это для меня было слишкомъ недостаточно. Такимъ образомъ всѣ труды мои должны бы пропасть попусту, если бы мнѣ не удалось опредѣлить длину самыхъ мѣрокъ.

Въ первую минуту это затрудненіе показалось положительно непреодолимымъ. Если вы только примете въ соображеніе, что у меня не было ни туаза ни фута, то вы, конечно, поймете, что положеніе мое дѣйствительно было безвыходное, и волей-неволей, а мнѣ приходилось отказаться отъ рѣшенія этой задачи. Но дѣло-то все въ томъ, что я и самъ не сталъ бы выстругивать эти палочки и снимать такъ тщательно мѣрки, если бы не предвидѣлъ этого затрудненія и не нашелъ средства преодолѣть его. Я еще раньше уже зналъ, что могу измѣрить палочки и опредѣлить ихъ размѣры съ математической точностью.

У меня съ собой не было туаза, какъ уже вамъ говорилъ, это правда, но развѣ самъ я не былъ туазомъ? Вы, конечно, помните, что измѣряя свой ростъ, я нашелъ въ себѣ ровно четыре фута. Понимаете вы теперь, какое громадное значеніе должно было имѣть для меня это знаніе? Взявъ палочку, равную длиною какъ разъ моему росту, я тотчасъ же добылъ линейку въ четыре фута. Ничто не могло быть легче. Я вытянулся во весь ростъ на спинѣ, опершись подошвами о флортимберсъ, положилъ сверху палочку и такимъ образомъ отмѣрилъ линейку длиною въ четыре фута. Это мѣсто я отмѣтилъ, сдѣлавъ зарубку ножомъ.

Но на этомъ не кончились всѣ мои затрудненія съ устройствомъ мѣрки. Если сказать правду, дѣла мои все еще были далеко не въ блестящемъ положеніи. Я, правда, и съ этими данными могъ бы уже съ большимъ приближеніемъ опредѣлить размѣры боченка, но и только, а этого, какъ я вамъ говорилъ, было недостаточно. Мнѣ нужно было знать эти мѣры не только въ футахъ, но и въ доляхъ футовъ, такъ какъ ошибка въ полдюйма даетъ разницу въ нѣсколько галлоновъ. Но какъ же въ такомъ случаѣ быть и что надо сдѣлать, чтобы раздѣлить мѣрку на дюймы и обозначить на ней эти дѣленія?

Вамъ это кажется очень легкимъ, не правда ли? Стоитъ только мѣрку въ четыре фута раздѣлить пополамъ, и каждая половинка будетъ равняться двумъ футамъ, половина которыхъ одинъ футъ. Затѣмъ надо раздѣлить футъ надвое, и получишь полфута, или шесть дюймовъ, половина которыхъ три дюйма. Наконецъ, раздѣливъ эту трехдюймовую мѣрку на три равныя части, узнаешь, чему равняется дюймъ.

Да, все это кажется очень просто въ теоріи; но какъ исполнить это на практикѣ безъ гладкой палочки и къ тому же въ глубочайшей темнотѣ? Какъ найти средину палочки? А вѣдь это самое главное раздѣлить четырехфуттовую мѣрку на двѣ абсолютно равныя части. Какъ же раздѣлить и подраздѣлить затѣмъ еще на нѣсколько частей, пока получатся дюймы?

Признаюсь вамъ, нѣкоторое время я былъ въ большомъ затрудненіи и долженъ былъ серьезно подумать о томъ, какъ бы изъ него выйти, но кончилось это все-таки тѣмъ, что я и на этотъ разъ вышелъ побѣдителемъ.

Вотъ какъ я придумалъ сдѣлать это.

Я разрѣзалъ третью палочку, имѣвшую немного болѣе двухъ футовъ, о чемъ я могъ легко судить съ приближеніемъ до нѣсколькихъ дюймовъ, наложилъ ее на четырехфуттовую палочку, тщательно сравнивъ концы обѣихъ палочекъ, и сталъ ею вымѣрять большую палочку. Сначала, какъ это, впрочемъ и должно было случиться, оказалось, что маленькая палочка не укладывается на большой два раза. Тогда я укоротилъ ее немного и повторилъ тотъ же приемъ. На этотъ разъ разница оказалась гораздо меньше. Я опять немного урѣзалъ маленькую палочку, и, повторивъ эту операцію нѣсколько разъ, мнѣ удалось, наконецъ, сдѣлать маленькую палочку какъ разъ на половину меньше большой; такимъ образомъ я раздѣлил большую палочку на двѣ совершенно равныя части и средину отмѣтилъ зарубкой.

Все это требовало времени, терпѣнія и точности, и поэтому я скоро прибѣгъ къ новому способу, который, давая результаты съ такой же точностью, долженъ былъ помочь мнѣ скорѣе довести дѣло до конца. Весь секретъ заключался въ томъ, что вмѣсто палочки я рѣшилъ употребить шнурокъ. Для этого, какъ и раньше для связыванія палочекъ, отлично могли пригодиться шнурки отъ моихъ башмаковъ. Лучшаго и придумать было бы ничего нельзя. Шнурки эти были не что иное,

какъ очень тоненькіе ремешки, которые къ тому же ни капельки не вытягивались, какъ бы старательно я ихъ не выравнивалъ,—все равно, какъ и хорошая линейка. Когда одного шнурка не хватило, я крѣпко связалъ ихъ оба вмѣстѣ, и это дало мнѣ веревку даже длиннѣе четырехъ футовъ. Я вытянулъ эту веревку вдоль палочки, натянувъ ее какъ можно крѣпче и обрѣзавъ лишнее. Когда это было сдѣлано, я перегнулъ мѣрку пополамъ и разрѣзалъ ее какъ разъ по серединѣ,—образовались два отрѣзка, каждый въ два фута длиною. Раздѣливъ одинъ изъ этихъ отрѣзковъ пополамъ, я узналъ, чему равняется одинъ футъ. Затѣмъ я перегнулъ послѣдній на три равныя части, на что потребовалась вся ловкость моихъ пальцевъ, потому что гораздо труднѣе раздѣлить веревку на три части, чѣмъ на двѣ. Но послѣ нѣсколькихъ попытокъ мнѣ и это удалось. Мнѣ нужно было получить три мѣрки каждая въ четыре дюйма только для того, чтобы раздѣлить ихъ пополамъ, потомъ еще пополамъ, чтобы точнѣе добраться до мѣры въ одинъ дюймъ.

Теперь у меня было уже все для того, чтобы раздѣлить мою мѣрку не только на футы, но и на дюймы, и я немедленно же приступилъ къ дѣлу. Это заняло много времени, потому что дѣйствовать нужно было крайне осторожно. Но результатъ вознаградилъ меня за труды, и я безбоязненно могъ приступить къ разрѣшенію задачи, отвѣтъ на которую былъ для меня въ то же время отвѣтомъ на вопросъ о жизни и смерти.

Задача была скоро рѣшена. Измѣривъ диаметры, я взялъ среднюю величину ихъ, которую превратилъ въ мѣры поверхности обычнымъ пріемомъ (умножая на 8 и дѣля на 10); такимъ образомъ я получилъ основаніе пустого цилиндра; наконецъ, умноживъ этотъ результатъ на длину, я узналъ внутреннюю вмѣстимость боченка.

Когда емкость была опредѣлена, оказалось, что она равняется почти 108 галлонамъ.

Итакъ, значить, результатъ былъ удовлетворительный; предположивъ, что содержимое уменьшилось до 80 галлоновъ, это все-таки давало мнѣ возможность выпивать по полгаллона въ день въ продолженіе 160 дней и по четверти галлона въ продолженіе 320 дней, т.-е. почти въ теченіе пѣлаго года. А это даже больше времени, чѣмъ нужно, чтобы объѣхать вокругъ свѣта. Я рѣшилъ довольствоваться только четвертью галлона въ день. По такому расчету моей провизіи должно было хватить мнѣ съ избыткомъ.

Гораздо больше слѣдовало мнѣ бояться недостатка сухарей; тѣмъ не менѣе я чувствовалъ себя довольно обезпеченнымъ и въ этомъ отношеніи, такъ какъ рѣшился тянуть провизію какъ можно дольше.

Поэтому я могъ быть увѣренъ, что не умру ни отъ голода ни отъ жажды, и надѣялся, что Провидѣніе, которое такъ видимо помогало мнѣ въ эту минуту, не покинетъ меня и въ будущемъ.